

УДК 811.512.157

DOI 10.25587/SVFU.2023.56.94.008

Якутские соматизмы, обозначающие элементы возвышенного рельефа (в сравнении с другими тюркскими языками)

Я. В. Стручкова

Северо-Восточный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ yanavasstruchkova@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу метафорических соматизмов *арбас* ‘спина’, *биил* ‘талия’, *быар* ‘печень’, *сүрэх* ‘сердце’, *төбө* ‘голова’, *тумус* ‘нос, клюв’, обозначающих элементы возвышенного рельефа земной поверхности, в современном якутском языке в сравнительном аспекте с другими тюркскими языками. Целью данной статьи являются выявление и описание орографических терминов, образованных от соматизмов в современном якутском языке с решением следующих задач: систематизации соматизмов в орографической терминологии якутского языка, ее классификации по тематическим группам и сравнительно-сопоставительного анализа якутских соматизмов, обозначающих элементы возвышенного рельефа, с тюркскими и монгольскими языками. Актуальность исследования обусловлена безотлагательной необходимостью фиксации, систематизации, изучения и сохранения в информационном поле лингвистов столь специфического пласта якутской географической лексики, как орография, находящейся под угрозой исчезновения в силу ряда причин социолингвистического и социоэкономического характера. В статье использовались метод сплошной выборки, лексико-семантический анализ, сравнительно-сопоставительный метод, приемы исследования на основе лексикографических источников по тюркским языкам. Сравнительно-сопоставительным методом установлено, что соматическая лексика в тюркских языках в значительной части общая. Совпадает и употребление этой лексики в качестве орографических терминов. Вместе с тем в некоторых тюркских языках наблюдаются расхождения в плане содержания орографических значений анализируемых соматизмов. В тюркских языках наблюдаются соответствия, представляющие собой: 1) общетюркские орографические термины-соматизмы; 2) орографические термины-соматизмы, связывающие тюркские языки Сибири с кыпчакскими. Термины-соматизмы характерны для орографической терминологии монгольских языков, а иногда обнаруживаются и в географической терминологии тунгусо-маньчжурских языков. На этом основании соматизмы могут рассматриваться как дополнительный источник для понимания особенностей и закономерностей формирования орографической терминологии Сибири.

Ключевые слова: соматизмы, якутский язык, тюркские языки, монгольские языки, орографические объекты, орографические термины, орографическое значение, орографическая терминология, метафорическое значение, возвышенный рельеф.

Для цитирования: Стручкова Я. В. Якутские соматизмы, обозначающие элементы возвышенного рельефа (в сравнении с другими тюркскими языками). Вестник СВФУ. 2023, Т. 20, №2. С. 87–98. DOI: 10.25587/SVFU.2023.56.94.008.

Yakut somatisms denoting elements of the elevated relief (in comparison with other Turkic languages)

Ya. V. Struchkova

Северо-Восточный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

✉ yanavasstruchkova@mail.ru

Abstract. This article analyses metaphorical uses of the following somatisms: *arghas* ‘back’, *biil* ‘waist’, *byar* ‘liver’, *sürex* ‘heart’, *töbö* ‘head’, *tumus* ‘nose, beak’, which denote elements of the elevated relief of the earth’s surface in modern Yakut in comparison with other Turkic languages. The purpose of this article is to identify and describe of orographic terms, formed from somatisms in the Yakut language and to accomplish the following tasks: systematization of somatisms in the orographic terminology of the Yakut language, its classification by thematic groups and comparative analysis of Yakut somatisms, which denote elements of the elevated relief, with the respective these in the Turkic and Mongolian languages. The Yakut orographic vocabulary is considered endangered due to a number of sociolinguistic and socio-economic reasons; there is an urgent need of its collection, systematization, study and preservation in linguistic databases. The research used the method of a lexico-semantic analysis, the comparative method and experimental methods, e.g. elicitation of research data during the field work. The data used in this article have been collected from Yakut dictionaries, databases and written sources as well as obtained from informants during field research trips. Conventionally, we divided the Yakut somatisms used as orographic terms into two groups: 1) lexemes denoting the external parts of the human and animal body; 2) lexemes denoting the internal organs of humans and animals. For the comparative analysis lexicographic sources in the Turkic languages were used. It also showed that the somatic vocabulary in these Turkic languages is largely common. The use of this vocabulary in orographic terms also coincides. At the same time, in these Turkic languages, there are differences in terms of the composition of the metaphorical meanings of the analyzed somatisms. In the Turkic languages, conformity is observed, which are: 1) Common-Turkic orographic terms-somatisms; 2) orographic terms-somatisms connecting the Turkic languages of Siberia with the Kypchak. Somatic terms are characteristic of the orographic terminology of Mongolian languages in general, they are also found in the geographical terminology of Manchu-Tungus languages. On this reason, somatisms can be considered as an additional source for understanding the patterns of formation of the orographic terminology of Siberia and its specific features.

Key words: somatisms, Yakut language, Altaic language, Turkic languages, Mongolian languages, orographic objects, orographic terms, orographic meaning, orographic terminology, metaphorical meaning, elevated relief.

For citation: Struchkova Ya. V. Yakut somatisms denoting elements of the elevated relief (in comparison with other Turkic languages). Vestnik of NEFU. 2023, Vol. 20, No. 2. Pp. 87–98. DOI: 10.25587/SVFU.2023.56.94.008.

Введение

Данная статья посвящена анализу метафорических соматизмов *арбас* ‘спина’, *бас* ‘голова’, *биил* ‘талия’, *быар* ‘печень’, *сүрэх* ‘сердце’, *төбө* ‘голова’, *тумус* ‘нос, клюв’, обозначающих элементы возвышенного рельефа земной поверхности, в современном якутском языке в сравнительном плане с другими тюркскими языками. Анализируемые в статье соматизмы восходят к праязыковому состоянию и в силу своей архаичности обладают рядом переносных значений. Интерес представляют особенности

метафорических переносов с названий частей тела человека и животных на орографические объекты: наследуются ли метафорические значения из праязыка или возникают по внутренним причинам или под влиянием контактных языков (родственных и неродственных).

Целью исследования являются выявление и описание орографических терминов, образованных от соматизмов в современном якутском языке с решением следующих задач: систематизации соматизмов в орографической терминологии якутского языка, ее классификации по тематическим группам и сравнительно-сопоставительного анализа якутских соматизмов, обозначающих элементы возвышенного рельефа, с тюркскими и монгольскими языками. Материал для данного исследования извлечен из словарей якутского языка: «Большого толкового словаря якутского языка» (2013, 2014), «Словаря топонимной лексики» (2019), «Толкового словаря якутского языка» (2004, 2005). Эмпирической базой исследования послужили также экспедиционные наблюдения, материалы автора, которые были получены в ходе полевых исследований, проводимых с 2021 г. в различных районах Республики Саха (Якутия). Выявленные соматизмы в тюркских, монгольских языках и их орографические значения зафиксированы в словарях, перечисленных в конце статьи в списке использованных словарей.

Выбор данного пласта географической терминологии как орография обусловлен той неоценимой ролью, которую играли орографические объекты в духовной жизни якутов: «по отношению к орографическим объектам сохранились архаические представления, связанные с тюрко-монгольским субстратом этногенеза народа саха» [1, с. 60]. Известно, что большую часть Якутии занимают горы и плоскогорья, на долю которых приходится более 2/3 ее поверхности. Это обусловило широкий спектр орографической терминологии, обозначающей разные виды возвышенностей – от пологих холмов до отвесных скал и гор. Актуальность данной статьи обусловлена безотлагательной необходимостью фиксации, систематизации, изучения и сохранения в информационном поле лингвистов столь специфического пласта якутской географической лексики, как орография, находящейся под угрозой исчезновения в силу ряда причин социолингвистического и социальноэкономического характера.

Проблема изучения истории формирования современного якутского языка и исследование связей тюркских языков с якутским вообще остаются актуальными. Совершенно справедливо отмечает Н. Н. Широбокова, «изучение якутского языка сразу началось как изучение сопоставительное» [2, с. 7], так как «своеобразие якутского языка всегда требовало сравнения каждой его детали с аналогичными материалами других тюркских языков» [3, с. 1]. На основе сравнительного исследования структурно-фонетических и семантических особенностей лексических параллелей якутского, древнетюркского, современных тюркских и монгольских языков Г. Г. Левин делает вывод о том, что из современных тюркских языков наиболее близки к якутскому языку алтайский и киргизский: «Близость алтайского языка особенно заметна в устойчивости структурных типов и структурно-семантической канвы лексических параллелей» [4, с. 6]. Сравнительные исследования семантических изменений и историческое изучение метафоризации в якутском языке позволяют проследить его связи с другими тюркскими, в том числе древнетюркскими, а также с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками.

Безусловно, важное значение в изучении соматической лексики тюркских языков занимает работа А. В. Дыбо под названием «Антропоморфная и зооморфная метафора в тюркских языках» [5], где с использованием сравнительно-исторического, историко-типологического методов, а также методов реконструкции анализируются метафорические переносы, зафиксированные в алтайских языках, в системе соматических терминов. Согласно А. В. Дыбо, «рассматривая метафорические ландшафтные употребления слов-названий частей тела, следует различать горный и

водный ландшафты» [5, с. 658]. На основе полученных данных автор приходит к выводу о том, что «космос для праалтайцев, насколько можно судить по реконструируемой лексике, так же, как и для пратюрков, скорее зооморфен... В специальном объяснении, таким образом, нуждается антропоморфность горного пейзажа у монголов (контактное явление?) и антропоморфность водного ландшафта для тюрков» [5, с. 658].

В якутском языкознании соматизмы еще не получили специального монографического описания. Названия частей тела человека и животных рассматриваются в лингвокультурологических и этнолингвистических работах Л. Л. Габышевой, Л. М. Готовцевой, Н. Н. Васильевой и других. Соматизмы в географической терминологии в тюркских языках были рассмотрены в трудах Э. М. Мурзаева [6] и О. Т. Молчановой [7]. Подробно описаны алтайские анатомические апеллятивы отдельных районов в диссертационном исследовании К. Б. Самтаковой [8]. Некоторые наблюдения относительно производства орографических терминов метафорическим путем от соматизмов были сделаны Р. Д. Сунчугашевым [9]. Новизна данной статьи обусловлена тем, что якутские соматизмы, обозначающие элементы возвышенного рельефа, в сравнительно-сопоставительном аспекте не были еще предметом исследования.

Исследование предпринято с использованием следующих методов и приемов анализа лингвистического материала: метода сплошной выборки, лексико-семантического анализа, сравнительно-сопоставительного метода, приемов исследования на основе лексико-графических источников по тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам.

Основные результаты исследования

Методом сплошной выборки из названных лексикографических источников в якутском языке обнаружено более восьмидесяти соматизмов, обозначающих формы и элементы орографических объектов. Выявленные соматизмы распределяются по двум тематическим группам, а именно:

- соматизмы, обозначающие видимые части тела человека и животных: *орой* ‘темя, макушка’ → *орой* ‘макушка, вершина, верхушка горы, возвышенности’, *сирэй* ‘лицо’ → *сирэй* ‘склон горы, возвышенности’, *буут* ‘бедро’ → *буут* ‘выдающаяся часть горы’, *тарбах* ‘пальцы’ → *тарбах* ‘острая вершина горы’ и др.;
- соматизмы, обозначающие внутренние органы человека и животных: *бэлэс* ‘глотка’ → *бэлэс* ‘узкое ущелье; проход в горах’, *кутуйа* ‘сычуг (второй желудок жвачных)’ → *кутуйа* ‘выдавленная часть поляны’, *таналай* ‘нёбо’ → *таналай* ‘ступенчатый вид горы’, *чабырбай* ‘часть черепа от уха до лба, висок’ → *чабырбай* ‘вершина какой-либо возвышенности (горы, холмы)’ и др.

Очевидно, что значительное количество орографических терминов номинирует соматическая лексика, обозначающая видимые части тела человека и животных. Для лексикографического и сравнительно-исторического анализов в рамках статьи выбраны якутские соматизмы, обозначающие видимые части тела человека и животных, такие как *арбас* ‘спина’, *биил* ‘талия’, *төбө* ‘голова’, *тумус* ‘нос, клюв’, а также соматизмы, обозначающие внутренние органы человека и животных: *быар* ‘печень’, *сүрэх* ‘сердце’.

Рассмотрим, как в результате соотнесения определенных признаков орографического объекта с частями тела человека или животного в тюркских языках формируется метафорический образ человека или животного, перенесенного на окружающий ландшафт.

Соматизмы, обозначающие видимые части тела человека и животных

В якутском языке соматический термин *арбас* имеет следующие значения ‘1. холка, хребет, передняя часть спины зверя, скотины; спинка рыбы; 2. спина человека’ [10, с. 549]. В результате метафорического переноса данный термин в орографической терминологии якутского языка приобрел значения ‘верхняя часть, хребет далеко тянущейся горы, возвышенности’ [10, с. 549]. В словаре топонимной лексики Багдарыына Сүлбэ представлены следующие орографические значения ‘1. удлинённая возвышенность в виде

неширокого хребта; 2. водораздел, горный хребет; 3. выпуклость земной поверхности; 4. холм; 5. гребень, кряж' [11, с. 56]. Соматизм в сочетании с термином *хайа* 'гора' образует орографические термины *хайа арбаһа* 'горный хребет' и *арбас хайа* 'горная цепь, хребет' [10, с. 550]. *Арбас* семантически взаимосвязан со словом *арбаа* 'запад; человеческая спина или передняя часть спины, загривок животного (чаще лошади)' [10, с. 546], 'тыл, зад, задняя сторона чего; задний, западный' [12, с. 142]. Метафорические переносы, связанные с наименованием спины, засвидетельствованы в следующих тюркских языках: алт. *арка* 'спина' → *арка* 'северная сторона горы, покрытая лесом' [13, с. 81], башк. *арка* 'спина' → *арка* 'хребет (горы)' [14, с. 83], казах. *арқа* 'спина, спинной хребет' → *арқа* 'хребет' [15, с. 53], кум. *аркъа* 'спина' → *аркъа* 'хребет; грива, гряда' [16, с. 31], ног. *арка* 'спина' → *арка* 'хребет (горы)' [17, с. 46], татар. *арка* 'спина (у человека и животных)' → *арка* 'возвышенность, хребет' [18, с. 117], тув. *арга* 'спина человека и животного' → *арга* 'горный лес' [19, с. 66], уйг. *арқа* 'спина' → *арқа* 'горный хребет' [20, 1968, с. 30], хак. *арга* 'спина' → *арга* 'хребет (горный), гряда' [21, с. 73].

Исследователи выводят *арбас* за рамки тюркских языков, находя подобные корни в монгольских, тунгусо-маньчжурских и других языках [22, с. 139; 23, с. 25; 24, с. 175; 25, с. 268; 7, с. 50]. Об этом же свидетельствует и материал EDAL, где представлена общеалтайская основа **āra* 'спина, задняя сторона', которая в пратунгусском **arka-n* имеет значение 'спина', прамонгольском **aru* 'спина, задняя сторона, север', пратюркском **ārka* 'спина, задняя сторона', прапюнском **ātuà* 'задняя сторона, след' [26, с. 311]. В тунгусо-маньчжурских языках метафорический перенос с названий части тела человека и животных на орографические объекты не зафиксирован. В современном монгольском языке имеется соматический термин *ар* 'спина', который функционирует в сфере орографии в значениях 'задняя, теневая сторона горы; северный склон' [27, с. 117].

Общетюркский соматический термин *арбас* функционирует в сфере орографии. Данный орографический термин используется преимущественно в тюркских языках Сибири (алтайском, тофаларском, тувинском, хакассском, шорском, уйгурском, якутском) и кыпчакских языках (башкирском, казахском, кумыкском, ногайском, татарском). В тофаларском языке *арһа* сохранился только как орографический термин в значении 'северный склон горы' [28, с. 72]. Из общности по значению 'хребет, возвышенность' выпадают алтайский, тофаларский и тувинский языки. Алтайский и тофаларский языки сближаются с монгольским в значении 'северный склон'. Б. И. Татаринцев отмечал, что у тофаларского *арһа* сохраняется более старое значение, тогда как в тувинском языке метафорический перенос является инновационным, обусловленный особенностями окружающего ландшафта: «В горных условиях Тувы лесистыми чаще всего являются северные, более влажные склоны гор, с чем и связано появление у слова *арга* семантики 'горный лес'» [29, с. 130].

Якутская лексема *биил* с основным значением – талия (часть туловища человека) [30, с. 288] – в Якутии служит для обозначения седловины горы, а также широкого плоского перевала [11, с. 65]. Якутский соматический термин *биил* представляют рефлекс пратюркской формы **bēl(k)* 'поясница; горный перевал, хребет' которая, в свою очередь, восходит к праалтайскому **bēle* 'поясница' [26, с. 337]. В EDAL также представлена пратунгусская основа **belge* в значении 'колени (передняя часть бедер при сидячем положении), прамонгольская **belkeyü* – 'поясница' [26, с. 337]. Из тунгусо-маньчжурских языков рефлекс пратунгусской **belge* зафиксирован в саккырырском говоре эвенского языка *бэлгэ* 'колени' с орографическим значением 'склон, подножие (горы)' [31, с. 123].

Общетюркские формы в значениях 'поясница; талия' и 'холм; горный хребет', как отмечают исследователи, появляются уже в самых ранних древнетюркских письменных источниках: др.-тюрк. *bel* 'поясница; холм' [32, с. 69]. Э. В. Севортян в ранних памятниках указывает наличие формы *bäl* в значениях 'холм; горный хребет' [33, с. 136]. Ср.: азерб. *бел* 'спина; талия' → *бел* 'седловина' [34, с. 257], алт. *бел* 'спина,

поясница' → *бел* 'хребет' [13, с. 110], башк. *бил* 'поясница, талия, пояс' → *бил* 'седловина' [14, с. 100], казах. *бел* 'поясница; спина (о животных); талия' → *бел* 'горный хребет; перевал' [15, с. 99], кирг. *бел* 'поясница, талия' → *бел* 'горный хребет, горный перевал' [35, с. 126], татар. *бил* 'талиа, поясница' → *бил* 'седловина (хребта, горы)' [18, с. 239], тув. *бел* 'талиа, поясница' → *бел* 'косогор, склон горы' [19, с. 98], узб. *бел* 'поясница, талия' → *бел* 'седловина (горы)' [36, с. 51], уйг. *бэл* 'поясница, талия; лопатка' → *бэл* 'подножие; седловина горы' [20, с. 204], хак. *пил* 'спина, поясница, талия' → *пил* 'седловина; перевал' [21, с. 359].

Как видно из примеров, по орографическим значениям тюркские языки объединяются в группы: по значению 'горный хребет' – алтайский, казахский, киргизский; по значению 'седловина' – азербайджанский, башкирский, татарский, узбекский, уйгурский, хакасский. Особняком стоит тувинский, в котором соматический термин *бел* 'поясница, талия' функционирует в сфере орографии в значении 'косогор, склон горы'. В тувинском термине видно непосредственное влияние монгольского языка. Такое явление можно объяснить территориальной близостью тувинцев к монголам. В монгольских языках соматические термины п.-монг. *bel*, монг. *бэл* 'талиа, спина' имеют орографические значения 'отлогость, косогор, подножие, склон горы, скат'. В бурятском языке *бэл* 'косогор; склон (горный)', калмыцком – *бел* 'подошва, подножие (горы)', ойротском – *бел* 'склон, подножие (горы)' функционируют как орографические термины.

Соматический термин *төбө* со значением 'голова (человека или животных)' [37, с. 516] может служить в якутском языке для обозначения гидрографических и орографических объектов: 1. вершина, макушка, верх, верхняя сторона географического объекта: *хайа төбөтө* – вершина горы (букв. голова горы); 2. конец, оконечность географического объекта; исток, верховье (реки, речки): *үрэх төбөтө* – верховье речки (букв. голова речки) [11, с. 242]. Тюркологи отмечают присутствие лексем *töbü/töpü/türpü* уже в древнетюркских памятниках 'темя, макушка; голова; вершина' [32, с. 579-580]. М. Кашгарский приводит *тубу* 'макушка у человека' в переносном значении 'вершина: *таг тубуси* – вершина горы' [38, с. 904]. Дж. Клосон, основываясь на показаниях древнейших памятников, исконными для всего семантического состава лексемы считает 'вершина, макушка' в применении к естественным предметам и голове человека с дальнейшим развитием семантики слова и образованием значений 'холм, возвышенность' [39, с. 436]. В СИГТЯ восстанавливают пратюркскую основу в виде **tope* [25, с. 201], которая в разных фонетических вариантах встречается во многих тюркских языках с орографическими значениями 'холм; бугор; верх, вершина, верхушка орографического объекта'. Рефлексы пратюркской формы **tope* в хакасском и шорском языках функционируют только как орографические термины: хак. *түпек* 'выпуклость' [21, с. 693], шор. *төбө* 'холм, вершина горы' [7, с. 121]. Авторы СИГТЯ на материале тюркских языков отмечают, что «регулярная многозначность названия части тела ~ ландшафтный термин выводится на общетюркский уровень; отсутствие внешних параллелей не позволяет решить, которое из этих значений первично» [25, с. 201]. Возможно, общетюркское значение 'верхушка горы' указывает на следы былого одушевления естественных объектов, т. е. первоначально здесь не было собственно метафоры, а лишь буквальное обозначение 'голова горы', а не понятие 'вершина'. Такое понимание живой природы свойственно тюркским народам, в которой горы занимают равное положение с человеком в кругу природных объектов.

Якутские словари кроме соматического значения слова *тумус* 'клюв, птичий нос, нос некоторых животных', 'вытянутая вперед передняя часть головы некоторых животных, рыло', фиксируют и орографические значения этого слова 'край мыса, выступ; выступающий мысом' [40, с. 108]; 'мыс; горный, лесной, островной мысок; лесистый выступ' [12, стлб. 2811; 11, с. 247]. Слово является общетюркским и имеет следующие орографические значения в современных тюркских языках: алт. *тумчук* 'нос; клюв;

хобот' → *тумчук* 'выступ горы' [7, с. 123], башк. *томшоқ* 'морда, рыло (у животных)' → *томшоқ* 'выступ горы' [41, с. 159], казах. *тұмсық* 'клюв; морда; рыло; хобот; нос' → *тұмсық* 'крутой удлинённый выступ возвышенности, мыс' [7, с. 123], каракалп. *тумсық* 'клюв; морда; щипец; хобот' → *тумсық* 'мыс' [7, с. 121], кирг. *тумишук* 'клюв; морда, рыло, щипец; хобот; нос (человека)' → *тумишук* 'спускающийся вниз продолговатый выступ предгорья' [35, с. 266], тув. *думчук* 'нос; клюв; хобот' → *думчук* 'уступ (горы)' [19, с. 183], узб. *тумишук* 'клюв; морда' → *тумишук* 'выступ' [36, с. 482], уйг. *тумишук* 'морда; рыло; клюв' → *тумишук* 'мыс' [20, с. 339], хак. *тумзух* 'нос; клюв; хобот; морда; рыло' → *тумзух* 'мыс' [21, с. 676], шор. *тунчук* 'клюв (птицы); губа' → *тунчук* 'мыс' [42, с. 56]. Несомненно, перенос произошёл на основе сходства по форме (вытянутая форма мыса напоминает нос).

Соматизмы, обозначающие внутренние органы человека и животных

Якутский соматический термин *быар* с основным значением 'печень' имеет орографические значения 'середина, средняя часть склона, пригорка, бугра, горы' [30, с. 665]. От термина *быар* образован другой орографический термин *быардьйа* 'уступ горы' [30, с. 668], 'поляна небольших размеров на горке, возвышенности' [11, с. 77]. EDAL в данной основе устанавливает тюркско-тунгусскую изоглоссу: отмечены пратунгусская основа **pākin* со значением 'печень', пратюркская в значении **biagır* 'печень' [26, с. 1092]. Орографическое значение рефлексов пратунгусской формы **pākin* не зафиксировано ни в одном из словарей тунгусо-маньчжурских языков. Общетюркское слово имеет следующие орографические значения: алт. *буур* 'печень' → *буур* 'внутренняя, срединная часть горы' [8, с. 85], казах. *бауыр* 'печень' → *бауыр* 'склон' [15, с. 96], кирг. *боор* 'печень' → *боор* 'склон горы' [35, с. 145], ног. *бавыр* 'печень' → *бавыр* 'склон (горы, пригорка, холма)' [17, с. 64], татар. *бавыр* 'печень' → *бавыр* диал. '(вогнутый) склон (горы)' [18, с. 181], уйг. *беги́р* 'печень' → *беги́р* 'пригорок' [20, с. 226], хак. *паар* 'печень' → *паар* 'основание, подошва, склон (горы)' [21, с. 333]. Анализ имеющихся сведений по употреблению соматизмов в тюркских языках позволяет выделить производное значение, которое формируется путем метафорического переноса 'печень' → 'склон орографического объекта'. Данный орографический термин используется преимущественно в сибирских тюркских языках (алтайском, хакасском, уйгурском, якутском) и кыпчакских языках (казахском, киргизском, ногайском, татарском). По-видимому, признаком, положенным в основу переносного значения, выступает рельефная (выступающая) форма, напоминающая печень.

Для понятия 'сердце человека и животных' в якутском языке используется слово *сүрэх* [43, с. 281]. Это слово в качестве орографического термина объясняется как 'орографический объект, стоящий обособленно, отдалённый от основной массы', 'орографический объект округлой формы', 'мыс, выступающий между двумя сходящимися реками' [11, с. 218]. В киргизском языке для обозначения небольшого холма используют термин *жүрөкчө* 'небольшая возвышенность в горной местности' [35, с. 275], который, в свою очередь, образован от соматической лексемы *жүрөк* 'сердце'. В тувинском имеется термин-соматизм *чүрек* 'сердце; маленькая сопка, покрытая лесом' [19, с. 551]. В других тюркских языках доступные словари таких метафорических переносов не отмечают. Возможно, орографические значения соматизмов в якутском, тувинском и киргизском языках возникли под влиянием монгольских языков. Ср. п.-монг. *jirüken*, монг. *зурх* 'сердце; гора с овальной, заострённой вершиной' [27, с. 247-248], бур. *зүрхэн хада* 'гора с овальной, заострённой вершиной' [44, с. 416-417]. Видимо, перенос термина из соматической сферы в сферу орографическую основан на сходстве по форме (символическое изображение сердца также имеет овальное, снизу заостренное очертание).

Заключение

По результатам изучения и анализа метафорических соматизмов *арбас* ‘спина’, *бас* ‘голова’, *биил* ‘талия’, *быар* ‘печень’, *сүрэх* ‘сердце’, *төбө* ‘голова’, *тумус* ‘нос, клюв’, обозначающих элементы возвышенного рельефа земной поверхности, в современном якутском языке можно сделать следующие выводы.

Выявлено более 80 соматических терминов, которые сыграли определенную роль в становлении якутской орографической терминологии. Орографические термины-соматизмы распределяются по двум тематическим группам, ориентированным на особенности форм рельефа относительно поверхности земли при ее горизонтальном и вертикальном членении, а именно: 1) лексемы, обозначающие внешние части тела человека и животных; 2) лексемы, обозначающие внутренние органы человека и животных.

Установлено, что в якутском языке анализируемые соматизмы являются терминами тюркского происхождения. Сравнительно-сопоставительный метод показал, что соматическая лексика в тюркских языках в значительной части общая. Совпадает и употребление этой лексики в качестве орографических терминов. В якутском языке выявляются орографические термины-соматизмы, характерные для тюркских языков Сибири, а также лексемы, связывающие южносибирские языки с другими языками, особенно с некоторыми кыпчакскими. Реже с кыпчакскими языками сближается тувинский. В тюркских языках наблюдаются соответствия, представляющие собой:

1) общетюркские орографические термины-соматизмы (тюрк. *бел* ~ *бил* ~ *бал* ~ *пил* ‘спина; поясница, талия’ → ‘седловина; горный хребет’; тюрк. *тэпэ* ~ *түбэ* ~ *төбө* ~ *төппө* ~ *депэ* ‘темя, макушка’ → ‘холм; бугор; вершина, верхушка орографического объекта’; тюрк. *тумчук* ~ *томиш* ~ *тумсық* ~ *тумишүк* ~ *тунчук* ‘нос; клюв; хобот’ → ‘выступ горы; мыс’);

2) орографические термины-соматизмы, связывающие тюркские языки Сибири с кыпчакскими (тюрк. *арка* ~ *арқа* ~ *аркъа* ~ *арга* ~ *арға* ‘спина’ → ‘возвышенность; горный хребет’; тюрк. *буур* ~ *боор* ~ *бауыр* ~ *бавыр* ~ *бегир* ‘печень’ → ‘склон горы; пригорок’).

В тюркских языках Сибири выявляются термины соматического происхождения, которые сохранились только как орографические термины (тоф. *арһа* ‘северный склон горы’, хак. *түпек* ‘выпуклость’, шор. *төбө* ‘холм, вершина горы’). Якутский язык в отношении семантики метафорических соматизмов сближается с киргизским и тувинским языками (як. *сүрэх* ‘сердце; мыс’, кирг. *жүрөкчө* (> *жүрөк*) ‘сердце; небольшая возвышенность в горной местности’, тув. *чүрек* ‘сердце; маленькая сопка, покрытая лесом’), которые, в свою очередь, имеют соответствия в монгольских языках (п.-монг. *jirüken*, монг. *зурх* ‘сердце; гора с овальной, заострённой вершиной’). В некоторых случаях в сибирских языках, в основном тувинском, находятся соответствия лексем, встречающихся в монгольских языках (тув. *бел* ‘талия, поясница; косогор, склон горы’, п.-монг. *bel*, монг. *бэл* ‘талия, спина; отлогость, косогор, подножие, склон горы, скат’ и др.). Безусловно, это говорит о территориальной близости языков и о ранних языковых контактах. Наличие монгольских метафорических соответствий свидетельствует о том, что тюркские языки Сибири имели исторические контакты как с родственными, так и неродственными народами. Из этого следует, метафорические соматизмы являются частью древнейшей лексики, принадлежавшей общетюркскому или общему тюрко-монгольскому фонду, образовавшемуся в результате древних тюрко-монгольских контактов. На этом основании соматизмы могут рассматриваться как дополнительный источник для понимания особенностей и закономерностей формирования тюрко-монгольской орографической терминологии.

Сокращения

азерб. – азербайджанский, алт. – алтайский, башк. – башкирский, бур. – бурятский, др.-тюрк. – древнетюркский, казах. – казахский, каракалп. – каракалпакский, кирг. – киргизский, кум. – кумыкский, ног. – ногайский, п.-монг. – письменно-монгольский, татар. – татарский, тув. – тувинский, узб. – узбекский, уйг. – уйгурский, хак. – хакасский, шор. – шорский.

1. Данилова, Н. К. Сакральные ландшафты : ментальный образ горы у северных якутов / Н. К. Данилова // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2019. – № 1 (28). – С. 51–61.
2. Широбокова, Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири / Н. Н. Широбокова. – Новосибирск : Наука, 2005. – 269 с.
3. Убрятова, Е. И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР / Е. И. Убрятова. – Ленинград : Издательство АН СССР, 1960. – 151 с.
4. Левин, Г. Г. Историческое отношение якутского языка с древнетюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками) / Г. Г. Левин. – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2013. – 436 с.
5. Дыбо, А. В. Антропоморфная и зооморфная метафора в тюркских языках // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / А. В. Дыбо. – Москва : Наука, 2006. – С. 648–659.
6. Мурзаев, Э. М. Тюркские географические названия / Э. М. Мурзаев. – Москва, 1996. – 253 с.
7. Молчанова, О. Т. Энциклопедия названий мест Горного Алтая / О. Т. Молчанова. – Щецин : Daniel Krzanowski, 2018.
8. Самтакова, К. Б. Топонимия Юго-Восточных районов Республики Алтай в сопоставлении с монгольскими топонимами : специальность 10.0220 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Самтакова Клариса Бинолдоновна. – Новосибирск, 2008. – 212 с.
9. Сунчугашев, Р. Д. Оронимия Хакасии : специальность 10.02.06 «Тюркские языки : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сунчугашев Радион Дмитриевич. – Москва, 1999. – 180 с.
10. Толковый словарь якутского языка : В 15 т. / Под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004.
11. Багдарыын, Сүлбэ. Словарь топонимной лексики Республики Саха. Местные географические термины и понятия / Багдарыын, Сүлбэ. – Якутск, 2019. – 324 с.
12. Пекарский, Э. К. Словарь якутского языка : В 3 т. / Э. К. Пекарский Ленинград : Издательство АН СССР, 1958–1959. – 3858 стб.
13. Алтайско-русский словарь. – Горно-Алтайск, 2018. – 936 с.
14. Башкирско-русский словарь / Под редакцией К. З. Ахмерова. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – 804 с.
15. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь / Под редакцией К. Бектаева. – Алматы, 1995. – 697 с.
16. Кумыкско-русский словарь / Под редакцией Б. Г. Бамматова. – Махачкала, 2011. – 406 с.
17. Ногайско-русский словарь / Под редакцией Н. А. Баскакова. – Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1963. – 562 с.
18. Татарско-русский словарь : В 2 т. – Казань : Магариф, 2007. – 726 с.
19. Тувинско-русский словарь / Под редакцией Э. Р. Тенишева. – Москва : Советская энциклопедия, 1968. – 646 с.
20. Наджип, Э. Н. Уйгурско-русский словарь / Э. Н. Наджип. – Москва : Советская энциклопедия, 1968. – 828 с.
21. Хакасско-русский словарь / Под редакцией О. В. Субраковой. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1114 с.
22. Ramstedt, G. J. (1957). Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre / G. J. Ramstedt – Helsinki, 253 s.
23. Räsänen, M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen / M. Räsänen. – Helsinki, Suomalais-ugrilainen seura. 327 s.
24. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э. В. Севортян. – Москва : Наука, 1974. – 768 с.
25. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. – Москва : Наука, 2001. – 822 с.

26. Starostin, S. A. (2003). *An Etymological Dictionary of Altaic Languages* (with the assistance of I. Gruntov and V. Glumov) / S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. Leiden, 1556 p.
27. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. – Москва : Academia, 2001–2002.
28. Рассадин, В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка / В. И. Рассадин. – Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 1971. – 250 с.
29. Татаринцев, Б. И. Этимологический словарь тувинского языка / Б. И. Татаринцев. – Новосибирск : Наука, 2000. – 341 с.
30. Толковый словарь якутского языка : В 15 т. / Под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2005.
31. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Под редакцией В. И. Цинциус. – Ленинград : Наука, 1975. – 672 с.
32. Древнетюркский словарь / Под редакцией В. М. Наделяева. – Ленинград, 1969. – 677 с.
33. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б» / Э. В. Севортян. – Москва : Наука, 1978. – 339 с.
34. *Azərbaycanca-rusca lügət*. (2006). Bakı, 896 səh.
35. Киргизско-русский словарь : В 2 т. / Составитель К. К. Юдахин. – Москва : Сов. энцикл., 1965–1985.
36. Узбекско-русский словарь / Под редакцией Т. Н. Кары-Ниязова, А. К. Боровкова. – Ташкент : Издательство УзФАН, 1942. – 471 с.
37. Большой толковый словарь якутского языка : В 15 т. / Под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2013.
38. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Махмуд ал-Кашгари. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
39. Clauson, G. (1972). *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish* / G. Clauson. Oxford: Clarendon Press, 989 p.
40. Большой толковый словарь якутского языка : В 15 т. / Под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2014.
41. Хисамитдинова, Ф. Г. Место соматизмов в башкирской топонимии / Ф. Г. Хисамитдинова, Г. Н. Ягафарова, Р. Т. Муратова, М. Р. Валиева // Сибирский филологический журнал. – 2018. – № 4. – С. 157–168.
42. Шорско-русский и русско-шорский словарь. – Кемерово, 1993. – 149 с.
- Большой толковый словарь якутского языка : В 15 т. / Под редакцией П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2012.
43. Бурятско-русский словарь : В 2 т. – Улан-Удэ, 2006. – 636 с.

References

1. Danilova, N. K. (2019). Sacred landscapes: the mental image of the mountain among the northern Yakuts. In: N. K. Danilova (ed). *North-Eastern Humanitarian Bulletin*. No. 1 (28). – pp. 51–61.
2. Shirobokova, N. N. (2005). Relationship of the Yakut language to the Turkic languages of Southern Siberia. Novosibirsk: Nauka, 269 p.
3. Ubryatova, E. I. (1960). Experience of comparative study of the phonetic features of the language of the population of some regions of the Yakut ASSR. Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 151 p.
4. Levin, G. G. (2013). The historical relationship of the Yakut language with the ancient Turkic languages of the 7th-9th centuries. (in a comparative aspect with the Eastern Turkic and Mongolian languages). Yakutsk: NEFU Publishing House, 436 p.
5. Dybo, A. V. (2006). Anthropomorphic and zoomorphic metaphor in the Turkic languages. In: A. V. Dybo (ed.) *Comparative and historical grammar of the Turkic languages. The Proto-Turkic language is the basis. The picture of the world of the pra-Turkic ethnos according to the data of the language*. Moscow: Nauka, pp. 648–659.

6. Murzaev, E. M. (1996). *Turkic geographical names*. Moscow, 253 p.
7. Molchanova, O. T. (2018). *Encyclopedia of names of places in Gorny Altai*. In: O. T. Molchanova. – Szczecin : Daniel Krzanowski.
8. Samtakova, K. B. (2008). *Toponymy of the South-Eastern regions of the Altai Republic in comparison with Mongolian toponyms: specialty 10.0220 “Comparative-historical, typological and comparative linguistics”*: Ph.D. dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Novosibirsk, 212 p.
9. Sunchugashev, R. D. (1999). *Oronimy of Khakassia: specialty 10.02.06 “Turkic languages: dissertation for the degree of candidate of philological sciences*. Moscow, 180 p.
10. *Explanatory dictionary of the Yakut language*: In 15 volumes. Edited by P. A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, 2004.
11. Bagdaryyn, Sulbe (2019). *Dictionary of toponymic vocabulary of the Republic of Sakha. Local geographical terms and concepts*. Yakutsk, 324 p.
12. Pekarsky, E.K. (1958). *Dictionary of the Yakut language*: In 3 volumes. Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR
13. *Altai-Russian Dictionary* (2018). Gorno-Altaysk, 936 p.
14. *Bashkir-Russian Dictionary* (1958). Edited by K. Z. Akhmerov. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1958. – 804 p.
15. *Great Kazakh-Russian, Russian-Kazakh Dictionary* (1995). Edited by K. Bektaev. Almaty, 697 p.
16. *Kumyk-Russian Dictionary* (2011). Edited by B. G. Bammatov. Makhachkala, 406 p.
17. *Nogai-Russian Dictionary* (1963). Edited by N. A. Baskakov. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 562 p.
18. *Tatar-Russian Dictionary*: In 2 volumes (2008). Kazan: Magarif, 726 p.
19. *Tuva-Russian Dictionary* (1968). Edited by E. R. Tenishev. Moscow: Soviet Encyclopedia, 646 p.
20. Najip, E. N. (1968). *Uyghur-Russian Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 828 p.
21. *Khakass-Russian Dictionary* (2006). Edited by O. V. Subrakova. Novosibirsk: Nauka, 1114 p.
22. Ramstedt, G. J. (1957). *Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I. Lautlehre* / G. J. Ramstedt – Helsinki, 253 p.
23. Räsänen, M. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen* / M. Räsänen. – Helsinki, Suomalais-ugriainen seura. 327 p.
24. Sevortyan, E. V. (1974). *Etymological dictionary of Turkic languages. General Turkic and inter-Turkic bases for vowels*. Moscow: Nauka, 768 p.
25. *Comparative-historical grammar of Turkic languages. Vocabulary*. 2nd ed., rev. (2001). Moscow: Nauka, 822 p.
26. Starostin, S. A. (2003). *An Etymological Dictionary of Altaic Languages* (with the assistance of I. Gruntov and V. Glumov) S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. Leiden (eds.) 1556 p.
27. *Big Academic Mongolian-Russian Dictionary*. In 4 volumes – Moscow: Academia, 2001–2002.
28. Rassadin, V. I. (1971). *Phonetics and vocabulary of the Tofalar language*. Ulan-Ude: Buryat book publishing house, 250 p.
29. Tatarintsev, B.I. (2000). *Etymological dictionary of the Tuvan language*. Novosibirsk: Nauka, 341 p.
30. *Explanatory dictionary of the Yakut language*: In 15 volumes. Edited by P. A. Sleptsov. – Novosibirsk: Nauka, 2005.
31. *Comparative dictionary of Tungusic-Manchurian languages* (1975). Edited by V. I. Cincius. – Leningrad: Nauka, 672 p.
32. *Ancient Turkic Dictionary*. Edited by V. M. Nadelyaeva. Leningrad, 1969. – 677 p.
33. Sevortian, E. V. (1978). *Etymological dictionary of Turkic languages. All-Turkic and inter-Turkic foundations of the letter “B”*. Moscow: Nauka, 339 p.
34. *Azerbaijani-Russian dictionary*. (2006). Baku, 896 p.
35. Yudakhin, K. K. (1965–1985). *Kyrgyz-Russian dictionary*. Moscow: Sov. encyclopedia
36. *Uzbek-Russian dictionary* (1942). Edited by T. N. Kary-Niyazova, A. K. Borovkova. Tashkent: UzFAN Publishing House, 471 p.

37. Big explanatory dictionary of the Yakut language: In 15 vol. (2013). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka
38. Mahmoud al-Kashgari (2005). *Diwan Lughat al-Turk*. Almaty: Dyke-Press, 1288 p.
39. Clauson, G. (1972). *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 989 p.
40. Big explanatory dictionary of the Yakut language: In 15 vol. (2014). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka
41. Khisamitdinova, F. G. (2018). Place of somatism in Bashkir toponymy. In: F. G. Khisamitdinova, G. N. Yagafarova, R. T. Muratova, M. R. Valieva (eds.) *Siberian Philological Journal*. 2018. No. 4. pp. 157-168.
42. *Shore-Russian and Russian-Shor dictionary* (1993). Kemerovo, 149 p.
43. Big explanatory dictionary of the Yakut language: In 15 vol. (2012). Edited by P. A. Sleptsov. Novosibirsk: Nauka
44. *Buryat-Russian dictionary*: In 2 vol. (2006). Ulan-Ude, 636 p.

СТРУЧКОВА Яна Васильевна – независимый исследователь, специалист Музея письменности Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова.

E-mail: yanavasstruchkova@mail.ru

STRUCHKOVA Yana Vasilievna – Independent Scientist, Specialist of the Museum of Writing of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.